Даниела (Мирослава) Попович-Николич (Ниш, Сербия)

Danijela Popović Nikolić (Niš, Serbia)

Жизнь поэзии на грани: творчество Дамняна Крстича

The life of poetry on the border: the work of Damnjan Krstic

Аннотация

Предмет данного исследования — поэтическое творчество самобытного автора Дамняна Крстича (д. Врбица, Заечарски округ, Сербия). В работе представлены основные сведения о поэте и его жизни, при этом особое внимание уделяется рукописным сборникам стихов. Цель исследования — определение особенностей его поэзии, в частности, присутствия элементов устной и письменной литературы, способов их композиции и функционирования. Указывается взаимосвязь фольклорного материала в стихотворениях с классическими произведениями сербской устной литературы.

Исследовательским корпусом данной работы являются стихотворения Дамняна Крстича. Знакомство с ним и его творчеством состоялось во время полевых исследований языка и фольклорного наследия Тимочской Краины (Хранители тимочских говоров, 2015–2016 гг.) Материал состоит из аудио- и видеозаписей бесед, включая записи авторского чтения стихов, а также фотографии рукописей. В поэзии Крстича тематически доминирует деревенская жизнь в прошлом и настоящем, родной край, его история и традиционная культура.

Ключевые слова: *фольклор, наивная литература, предания, поэтическое творчество, устная литература*

Abstract

The subject of the study is the poem of the original author Damnjan Krstic. The paper presents basic information about the poet and his life, with particular attention paid to handwritten songwriters.

The purpose of the study is to determine the features of his poetic corpus, in particular, the presence of elements of oral and written literature, ways of their composition and functioning. It also points out the relationship between folklore material in poems and classical works of Serbian oral literature.

The research body of this work is the poetic work of Damnjan Krstic from the village of Vrbica (Zaichar District, Serbia). The meeting with him and his work took place during the field research of the language and folklore heritage of the Timochka Kraina (Keepers of Timochian dialects, 2015–2016). The material consists of audio and video tapes of conversations in which, among other things, the author personally reads his poems. The material includes photographs of manuscripts. In this poetry, the village life is dominated by the village life and now, the native land and its places, history and traditional culture.

Keywords: *folklor, naive literature, legends, oral literature, poetry*

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-203-218

Введение: автор и его жизнь

В рамках подготовки к фольклорной экспедиции на территории Тимочского региона в конце 2014 года исследователям стало известно от жителей деревни, что одним из информантов, знающим народную традицию и историю деревни, может быть Дамнян Дане Крстич. Однако первая беседа с ним не представляла собой интервью с информантом в классических полевых условиях: мы не обнаружили его в доме и встретились с ним на проселочной дороге, когда он возвращался домой со сбора лекарственных растений, наш разговор состоялся на церковном дворе. Пользуясь случаем, он нам показал знаменитый колокол церкви Врбицы, рассказал легенду о появлении этого колокола, его звоне и доставке в деревню. Для более длительной беседы у него не было времени. Очередная встреча также была необычной: так как, кроме сбора фольклора, исследователям было интересно и стихотворчество на диалекте[1] Тимочского региона, для них была организована встреча с деревенскими поэтами, среди которых был и Крстич. Таким образом, знакомство с этим информантом позволило исследователям собрать разнообразный материал: как относящийся к классическому фольклору, так и к феномену наивной литературы[2].

Первая встреча (Д. Крстич и Д. Попович-Николич, фото З. Каранович, 2014)

Дамнян Крстич родился в Врбице[3] 24 января 1953 года. Его отец Маринко также был родом из Врбицы, а мать Ковилька — из деревни Ошляне. Дамнян учился в начальной школе в Врбице, а окончил обучение в Миничеве (ранее известное как Кралево село, муниципалитет Княжевац). Затем он учился на слесаря механосборочных работ в городе Заечар, но от дальнейшей учебы отказался, так

[1] Исследования проводились в рамках проекта «Хранители тимочских говоров», по гранту Министерства культуры Республики Сербия.

[2] Д. Крстич_Врбица 2016 // Архив ДАБИ / Личный архив автора. ДАБИ является сокращением названия Дигитального архива Института балканистики Сербской академии наук и искусств.

[3] Деревня расположена на территории муниципалитета Заечар, в Заечарском уезде. Согласно переписи 1990 года, в деревне проживало около трёхсот жителей. Раньше это была большая, развитая деревня, в основном занимавшаяся скотоводством, с «задругой» (то есть кооперативом), производством кирпичей, плиток и т. д. На сегодняшний день в деревне живёт намного меньше людей, преобладают старожилы, нет почты, медпункта, кооператива и т. п.

как этого не хотел и никогда ничем подобным в жизни не занимался. Он устроился официантом после окончания трёх классов школы по подготовке кадров в сфере сервиса и туризма. По его словам, он успел на «последний поезд», так как чувствовал, что время уходит. Некоторое время работал в Заечаре, а потом окончательно вернулся в Врбицу, «так как жизнь в городе не для него». Уже много лет он живет в своей родной деревне, обрабатывает землю, выращивает фрукты, занимается прививанием растений, умеет распознавать и собирать лечебные травы[4] и считает себя любителем природы, реки Тимок и заядлым рыбаком. Дамнян постоянно выезжает на разнообразные работы и часто бывает сложно его найти, так как он не отвечает на телефонные звонки (члены исследовательской группы неоднократно пытались связаться с ним, но безуспешно, а на вопрос о том, как бы его найти, одна из жительниц ответила: «Это трудно. Он не сидит на месте, носится с места на место».

Дамнян является членом литературного клуба в деревне Миничево (Завичајно друштво Тимочана — «Торлака»), где встречаются местные поэты и читают друг другу свои стихи. Он также некоторое время участвовал как корреспондент-конкурсант в радиопередачах «*Караван*» и «*Одна песня — одно желание*»: отправлял свои стихи и шутливые ответы на вопросы[5], за что несколько раз был награжден редакторами упомянутых передач.

О творчестве

Крстич пишет стихи[6], а совсем недавно начал писать истории об односельчанах и рассказы об истории деревни. В одном из интервью он нам сказал, что не помнит точно, когда начал писать стихи, приблизительно 10–15 лет назад.

[4] Дамнян также является долголетним сотрудником «Мелисы» — ассоциации любителей природы, лечебных трав и фитотерапии (Melissa, г. Заечар).

[5] На конкурсный вопрос передачи «*Караван*» Радио Белграда «Кто косит, а кто воду носит?», являющимся на самом деле примером часто используемого сербского народного выражения, Дамнян ответил: «Сида коси а вијагра воду носи» (поскольку аббревиатура для обозначения вируса ВИЧ в сербском языке пишется как СИДА, а само это название перекликается с сокращенным именем женского рода ПЕРСИДА, создается эффект игры словами и значениями, рус. «Сида/ВИЧ косит, а виагра воду носит». То же самое и в случае фирменного названия лекарственного средства для увеличения потенции силденафил — виагры).

[6] По мнению М.Л. Лурье, в мире наивной литературы поэтическое творчество встречается чаще чем иное другое, потому что «стихи сочинять проще в силу их возможной краткости и наличия у стихотворного текста четких формальных свойств/критериев (ритм, рифма и т.п.) заведомая необходимость соблюдения которых, отчетливо структурируя процесс моделирования художественного текста, тем самым прокладывает рельсовый путь для движения сочинительской фантазии. С другой стороны, стихотворность воспринимается как своего рода квинтэссенция литературности, пишущий стихи как бы более очевидно для самого себя выходит за рамки бытовой речи. А для “наивных” сочинителей такого рода творческое самоутверждение необходимо» (*Лурье М.Л.* Деревенский поэт Ю.В. Тимофеев (Наивная литература и народная традиция) // Живая старина. № 1. 2007. С. 5).

Кроме того, он также не помнит, когда начал их сочинять и читать на публику. Дамнян рассказал о том, как, будучи учеником, он пешком ходил в школу, шутил с друзьями и говорил с ними рифмами («меня осеняет, я рассказываю что-то в стихах, потом один из них меня назвал “стихоплётом»[7]). Сочиненные Крстичем стихи в течение многих лет существовали только в устной форме, и он их декламировал лишь узкому кругу людей (это, как правило, были члены его семьи и друзья). Есть стихи, которые он так никогда и не записал, некоторые из них совсем забыл, а некоторые запомнил частично, всего несколько строчек. Корпус записанных песен также не организован: некоторые из них он записывал на ходу на бумажках и потом переписывал их в тетради. По его словам, у него все еще хранятся бумажки, которые он время от времени находит в доме и выясняет, что так и не переписал их в тетрадь. У Дамняна несколько таких тетрадей, но он не знает, в каком порядке в них записаны стихи («где-то я записал»), однако помнит, что у него есть стихотворение на ту или иную тему. Крстич говорит, что редко изменяет свои стихи, а когда это делает, он их исправляет в соответствии со своими чувствами или же потому, что другие указывают ему на необходимость сделать это. Когда он дорабатывает и исправляет стихи (в рукописях видны перечёркивания, вымарывание первоначальных слов и т. п.)[8], обновленную запись переписывает в другие тетради, и бывает, что варианты отдельных стихотворений находятся в разных местах рукописи.

Дамнян сочинял стихи не целенаправлено, независимо от волевых факторов, часто в те моменты, когда занимался каким-либо делом (собирал грибы или лечебные травы): «Человек в такие минуты расслабляется, и тебя просто “осеняет”». Бывало, что таким образом созданные и незаписанные стихотворения он забывал, и поэтому возникла необходимость всегда иметь при себе бумагу и ручку. Его сопроводительные комментарии свидетельствуют, однако, о возможности сочинять стихотворения в соответствии с собственным заказом: в ходе беседы, пока он говорил о народных традициях, он упомянул, что мог бы о том или ином что-нибудь написать, и что эту мысль следовало бы записать сразу, чтобы потом ее не забыть. Вдохновение Дамнян в основном находит в истории деревни, независимо от того, идет ли речь о воспоминаниях далеких времен, сохраненных в народных преданиях о местности, или о том, что является частью его непосредственного опыта (с оппозицией *когда-то — теперь* и с идеализацией времени, относящегося к периоду его юности, но которое касалось также и развития деревни, благоустройства жизни, более искреннего отношения к природе и людям, и т. п.).

---

[7] Д. Крстич_Врбица 2017. Архив ДАБИ / Личный архив автора.

[8] Интересно, что его работа над своими произведениями почти никогда не связана с их дописыванием, но главным образом касается их исправлений: «Редко случается, чтобы после записи я дополнял ее, так не бывает. Если вдруг так получится... изменения — это может быть что-то лишнее, что надо выкинуть. Чтобы я потом что-то добавлял, нет, нет, так нельзя» (Д. Крстич_Врбица 2017 // Архив ДАБИ / Личный архив автора).

К своим стихам Крстич выражает отношение фразами типа: «мне понравилось», «это интересно», «приемлемо», «неплохо». Основным критерием для оценки художественного качества является рифма[9].

На вопрос исследователей о том, чему посвящены его стихи, он ответил с улыбкой, что у него системы нет, и он пишет о разных вещах: «Так же как эта тетрадь, которая была у меня, когда я ходил в школу, вот, примерно так, у меня всегда была одна такая тетрадь, и там у меня была и математика, и сербский язык, значит, всякая всячина. Если бы я чем-то занимался, я бы что-то и создал, так что... живем, записываем»[10].

В некоторых примерах можно заметить влияние сербских поэтов Б. Радичевича и Д. Максимович (из «*Школьной разлуки*» Радичевича взяты почти целые стихи, а знаменитая строка из «*Кровавой сказки*» Десанки Максимович «И все родились в том же году» — в любовном стихотворении Крстича превратилась в «И мы родились в том же году»). Некоторые стихи свидетельствуют также о влиянии эротической поэзии из сборника В.С. Караджича, например, «*Црвен бан*» — у Крстича стихотворение «*Смежурани бан*» *(Сморщенный бан*). Можно сказать, что это свидетельствует о «цитировании чужих строк»[11] и формам их трансформации в произведениях «наивного» сочинителя. И в то же время, речь идет о творчестве, которое не характеризуется умением идеального воспроизведения литературных образцов и не скоординированным применением литературных приемов (заметны отклонения в метре и ритме, рифме и т.п.). В данном случае речь идет о произведениях, которые, как отмечает Неклюдов, «хромают на все четыре ноги»[12].

Отношение к народной традиции и классическому фольклору

О народных традициях Крстич знает лучше, чем большинство людей из его окружения. Кроме того, и сами жители деревни характеризуют его как человека знающего — большинство случайных собеседников рекомендовали исследователям обратиться именно к нему, а некоторые рекомендовали только его. Он любит говорить о том, что знает. Уже в ходе первой, незапланированной встречи, он охотно рассказал несколько преданий, рассказал кое-что об истории

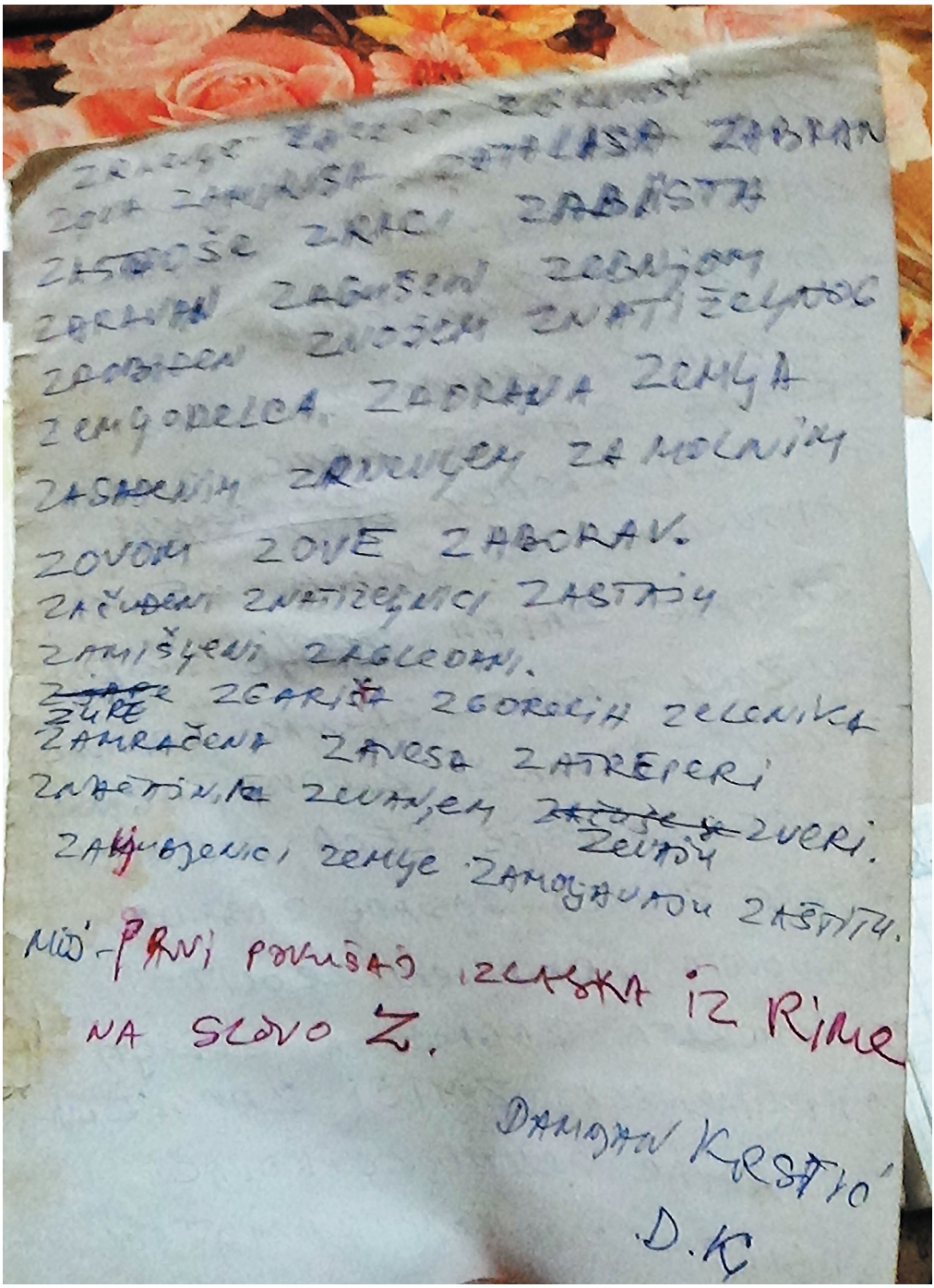
---

[9] Почти весь корпус сочинений Крстича в рифме. О том, что ее можно считать доминантой, свидетельствует и авторское напоминание в рукописи — рядом с записью стихотворения «Земля» помечено: «Мой первый опыт выхода из рифмы». Можно сказать, что этим опытом все и кончилось. Между прочим, стихотворение «*Земля*», одно из опубликованных стихотворений Крстича (местный журнал «*Развитак*»), состоит только из слов, начинающихся с буквы «З».

[10] Д. Крстич_Врбица 2017 // Архив ДАБИ / Личный архив автора

[11] *Минаева А.П.* До и после литературы // До и после литературы: тексты наивной словесности. Москва: РГГУ, 2009. С. 11.

[12] *Неклюдов С.Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. Москва, 2001. URL:http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.



Стихотворение «Земля» и авторский комментарий Д. Крстича (2017)

Д. Крстич во время беседы с исследователем и односельчанкой (2017)

деревни и церковном колоколе. Во всех записях (2014, 2016, 2017 гг.) сохранилось свидетельство смешения используемых им дискурсов: иногда он говорит на диалекте, иногда литературным языком (что частично обусловлено тем, что он разговаривает с людьми городскими, приехавшими из образовательно-научных учреждений — «это профессора из Белграда, Ниша и Нови-Сада»). В ходе исследовательского интервью он говорил о свадьбе, ‘посвадбице’ (традициях после свадьбы) и ‘седеньках’ (посиделках). Из жанров классического фольклора в его рассказах преобладают бытовые рассказы и предания. Больше всего отмечается культурно-исторических и топонимических преданий[13], имеются также предания о кладах, чуть меньше быличек. В его рассказах присутствуют и формы постфольклора (устная история: Первая мировая война, социалистическое общество, кооперативы, винные погреба, празднование Первомая и подрывная деятельность монархистов, рассказы из жизни). В процессе рассказывания о событиях своей жизни, а также бытовых историй о жителях деревни

[13] В сербской фольклористике класификация преданий соответствует международной класификации (Tagung der Sagenkommision der International Society for folk. Narrative Research in Budapest, 14–16. Oktober 1963; Acta Etnographica, t. 13, Budapest, 1964): мифологическо-демонологические предания, этиологическо-эсхатологические, культурно-исторические, легенды и мифы о героях и божествах (*Милошевић Ђорђевић, Нада*. Од бајке до изреке: обликовање и облици усмене прозе. Београд, 2000. С. 173; *Самарџија С*. Облици усмене прозе. Београд, 2011. С. 273–343). По этой классификации, топонимические предания относятся к культурно-историческим (См. также: *Палавестра В*. Хисторијска усмена предања Босне и Херцеговине, Београд, 2003. С. 31–61).

Крстич рассказывает о Маринковой шелковице (2017)

Крстич пользуется стандартными средствами устной художественной коммуникации. Он часто обращается к присутствующей жительнице деревни и требует подтверждения знакомства с отдельными героями историй и рассказов, знания местных реалий («Знаешь кто Жика Мильчин?», «Это было у магазина»), прерывает рассказ, чтобы объяснить о ком идет речь, указывает на родство с теми, кто, несомненно, хорошо известен в деревенской общине, проверяя прием информации и усиливая степень достоверности.

Крстич использует формулы, указывающие на существование других информантов, определенных и близких (дедушка, Бранко Вуждало), неопределенных членов коллектива («это рассказывалось как легенда в деревне, пожилыми людьми», «они рассказывали»), и таким образом регистрируется процесс (постоянной) передачи устного содержания. Существуют примеры, подтверждающие неоднократные пересказы определенных нарративов, даже в том случае, когда речь шла о рассказах из жизни (друзья требовали, чтобы Дамнян им снова рассказал о побоях, которые он получил от сторожа поля: «И эти мои издевались надо мной: ну и что, говорят, кто тебя там бил?»). В ходе рассказов Дамнян часто пользуется традиционными методами и формулами (финальные, формулы времени и т. п.): «И так... я это знаю, настолько я знаю, а потом, где пойдет, что сделает, было когда-то, это так». Записи бесед разных лет способствовали тому, что в корпусе Крстича появились варианты исторических преданий. Повествование о камне Марка в записи 2016 года имеет больше элементов, подтверждающих правдивость рассказа (следы всадника и отпечатки копыт), чем вариант 2017 года, в котором выделен только один (отпечатки копыт).

Фольклор и авторская литература

Если учесть основную функцию, которую автор приписывает своему творчеству (сохранить память, сохранить знание о прошлом), то не удивительно, что его стихи строятся на материале классического фольклора, в котором преобладают рассказы об исторических и псевдоисторических событиях (культурно-историческое предание, бытовой рассказ). В свете этого следует рассматривать и наличие форм постфольклора (устной истории и рассказов из жизни). Толчком для введения народной повествовательной традиции в поэзию являлось чаще всего размышление о том, что происходило когда-то, хотя имеются и примеры, когда стимулом было то, что автор читал: одно из стихотворений с элементами культурно-исторического предания Дамнян записал после того, как вспомнил свою первое записанное стихотворение (которое было опубликовано в местной газете «Торлак» — издания краеведческого общества Тимочан под одноименным названием): «А теперь, сказал я себе, давай записывать... и потом... я был... я орехи чистил... каких-то десять лет тому назад, о тогда меня как будто что-то осенило по поводу этого камня, и первое, что я сделал, я это записал, этот Большой

камень, это на Странье, на этом холме наверху, я там свое первое записал. И тогда я чистил орехи, и что-то мне так, знаешь... Перелистываю этот "Торлак", газету, это... это... ее редактирует Деян Крстич, и там было это опубликовано, и я перелистываю этот "Торлак" и читаю, знаешь, это, я прочитал и вдруг что-то мне приходит на ум, сказал я — Большой камень, ну, сказал, что у нас есть и Марков камень тоже. Я вспомнил: в моем лесу есть камень, на котором вырезаны четыре копыта и, это, не четыре копыта, а... ну да, лошадиные сверху, а внизу как подковы на каждом углу, и это так стоит... Как это, я реально не знаю?.. Природа, что ли? Чтобы именно так его, а камень квадратный, как... и также большой, вот, например, как эта комната, может быть, чуть меньше, но что-то от него и в земле зарыто. И сказал я, давай это. А об этом камне говорили, что когда-то, это как легенда, что... поэтому его так и назвали, говорят, Марков камень, что его якобы Кралевич Марко бросил с Тупижницы, кинул он его оттуда, и камень упал вот здесь, как будто здесь упал, и вдруг меня осенило: "Бросил его давным-давно Марко с Тупижницы, / и упал он на ровную деревню Врбицу", и я не знаю, так получилось... и так ко мне пришло и давай я так примерно, я это записал»[14].

Процесс, свидетельствующий о связи устной традиции (классической и постфольклорной) с авторским творчеством, сопровождающийся превращением одной формы в другую (прозаической в поэтическую) с изменением средств и способов выражения[15], подтверждается и материалами интервью. Во время разговора Крстич иногда отмечает, как что-то из рассказанного не отразилось в его творчестве («не вошло в стих, а могло пойти»; «вот этого я не сделал, хорошо, что вспомнил записать... я когда-нибудь это сделаю. Когда приду домой, я запишу, чтобы не забыть»; «вот это тоже я должен был записать»). И в рукописях можно найти следы такого проникновения и перехода в новые формы: на страницах, где у Крстича записан стих «Марков камень», рядом с заглавием дописано «запись согласно легенде», в то время как рядом с некоторыми другими произведениями — бытовыми рассказами в стихах — автор указывает: «согласно реальным событиям».

Стихотворения, частично являющиеся стихотворным вариантом народной традиции, несомненно, авторские, но на их пограничную позицию уже указывает примечание (письменное или устное) о том, что они созданы в соответствии с материалами предания. Однако в поэзии самобытного автора устная традиция проявляется не только в этих внешних комментариях. Здесь очевидны методы, характерные для устного повествования (выделение повествовательного акта, обозначающего других рассказчиков из коллектива: «Бросил его, **говорят**, Марко», «имя он получил, **люди говорят**»); повествовательные формулы (***когда-то***

---

[14] Д. Крстич_Врбица 2017 // Архив ДАБИ / Личный архив автора. Интересно, что отношение к правдоподобности событий, о которых повествуется, в предании и в стихе о камне Марка неодинаково — если стих сохраняет традиционную форму неоспоримой и безусловной деятельности знаменитого предка («он бросил камень»), то в предании наблюдаются элементы дистанцирования по отношению к событию («он якобы бросил камень»).

[15] *Неклюдов С. Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. 2001

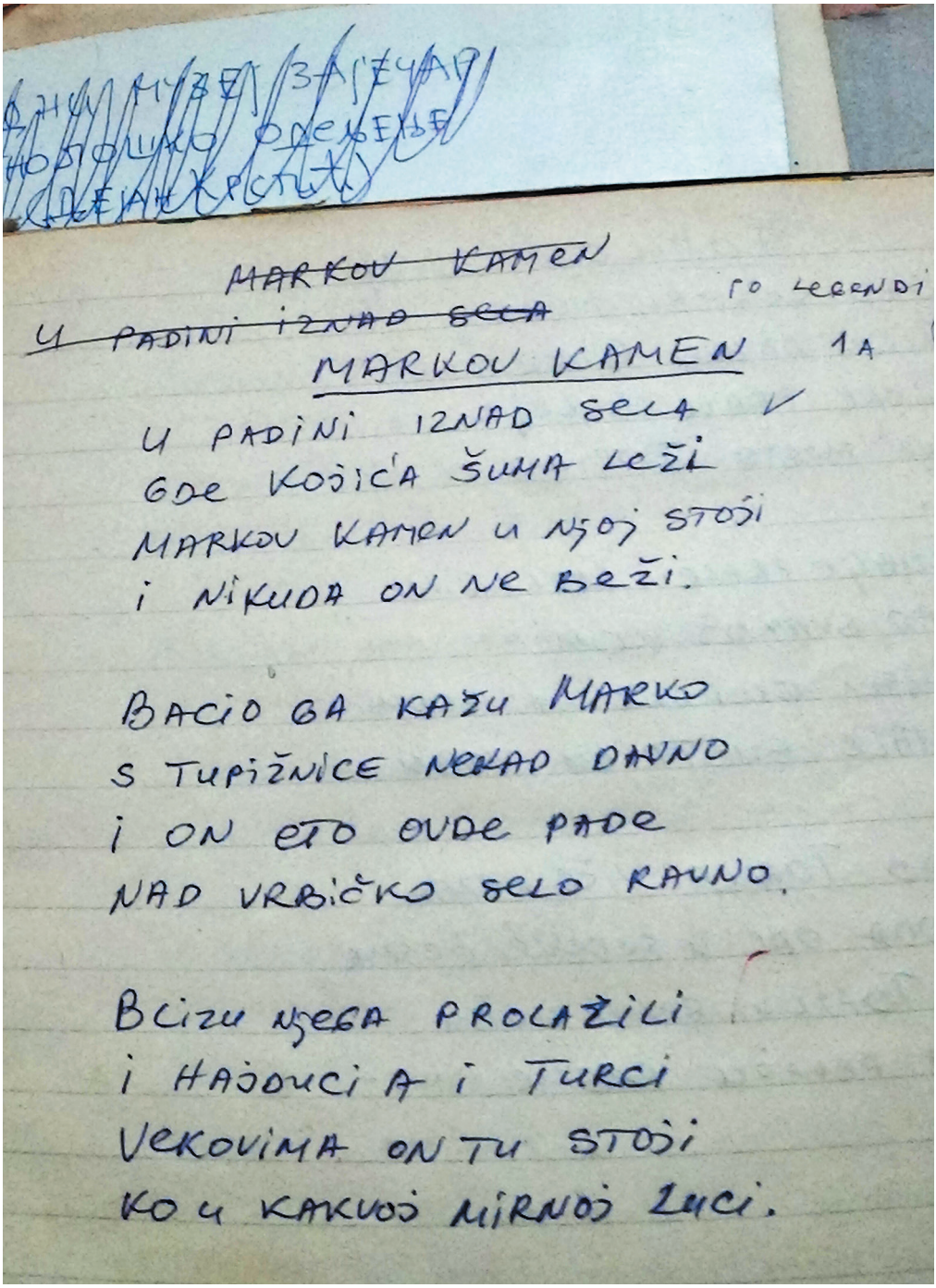
было, теперь рассказывают); временные формы («*с Тупижницы давным-давно*»), формы общего типа с оппозицией *когда-то–теперь* (*теперь рассказывают, давно это было*); тематическо-мотивный фонд (Марко Кралевич и бросание камня, смерть царя на источнике, откапывание сокровища, топоним в соответствии с формой местности и растениями); связи с эпическими песнями (мотив вспашки дорог[16] в стихах обработан с иронией и намеком на пренебрежение жителей Врбицы к дорогам в деревне), целые жанры вроде коротких устных примет (поговорки: «замути, а потом разлей», «воду в решете не носят», «идти к Святому Петру», «горький хлебушек когда чужой», «продать свою кожу», «позорный столб», «тверд как скала», «что на уме, то на языке», «радио Милева», и т.д.). Кроме того, существует и пересечение предметного и смыслового планов в стихотворении «*Когда-то было*»: основные классические атрибуты эпического героя в целом (конь и оружие) определяются как символ этики и героизма людей в прошлом, в отличие от сегодняшних дней, когда «главными» являются олигархи и негодяи.

Подчеркивание топонимов, как одной из основных особенностей наивной литературы[17], особенно заметно в поэзии Крстича (случаев больше десятка). Упоминание местности как раз и является поводом для использования материала устной традиции, иногда с характеристиками исторического / топонимического предания, иногда только в качестве мотива: «Име доби по лескама / које тамо много расту / По густишу и растињу / Што голица сваку машту» (Название получил в честь лещины, / которой там много растет, / в чаще и подлеске / что щекочет каждое воображение) («*Лештак*»); «На раскршћу где но пут кривуда / Доћи ћеш до Маринковог дуда / Цигани ту давно везиваху мечку / У верност краљу Петру ту се устаници куну/ Ту крај њега планираше буну» (На перекрестке, где дорога извивается, / ты придешь к Маринковой шелковице / Цыгане тут раньше медведицу привязывали. / На верность царю Петру тут повстанцы заклинались, / и рядом с ним восстание планировали) («*Маринкова шелковица*»); «Име село доби / По врбама разним / Што расту крај реке / и местима влажним» (Деревня получила название по ивам разным, / что растут у реки / и по местам влажным) («*Название*»). Кроме привлечения топонимов, выделяются также стихи, в которых придается особая форма этнографическому материалу. В них говорится о священных деревьях, шествиях на День Святой Троицы, праздновании Дня Святого — покровителя деревни, свадьбе, ‘посвадбице’, магическом воздействии на человека (колдовстве), посиделках, ‘бачиях’. В некоторых стихах автор обозначает почти все фазы обряда или

---

[16] *Караџић В.С.* Српске народне пјесме, књига друга. Сабрана дела Вука Караџића, књига пета. Београд: Просвета, 1988. С. 318.

[17] *Королева С.Ю., Курочкина М.В., Беломестнова А.С.* Тексты „наивной“ литературы в сельской культуре пермского прикамья // Славянские языки и культуры в многоязычном мире: сборник научных трудов VI международной российско-македонской конференции. / Отв. ред. Н. В. Боронникова. Пермь, 2016. С. 218–219.



~~MARKOV KAMEN~~
~~U PADINI IZNAD SELA~~ PO LEGENDI

MARKOV KAMEN 1A

U PADINI IZNAD SELA
GDE KOJIĆA ŠUMA LEŽI
MARKOV KAMEN U NJOJ STOJI
I NIKUDA ON NE BEŽI.

BACIO GA KAŽU MARKO
S TUPIŽNICE NEKAD DAVNO
I ON EVO OVDE PADE
NAD VRBIČKO SELO RAVNO.

BCIZU NJEGA PROLAŽILI
I HAJDUCI A I TURCI
VEKOVIMA ON TU STOJI
KO U KAKVOJ MIRNOJ ZUCI.

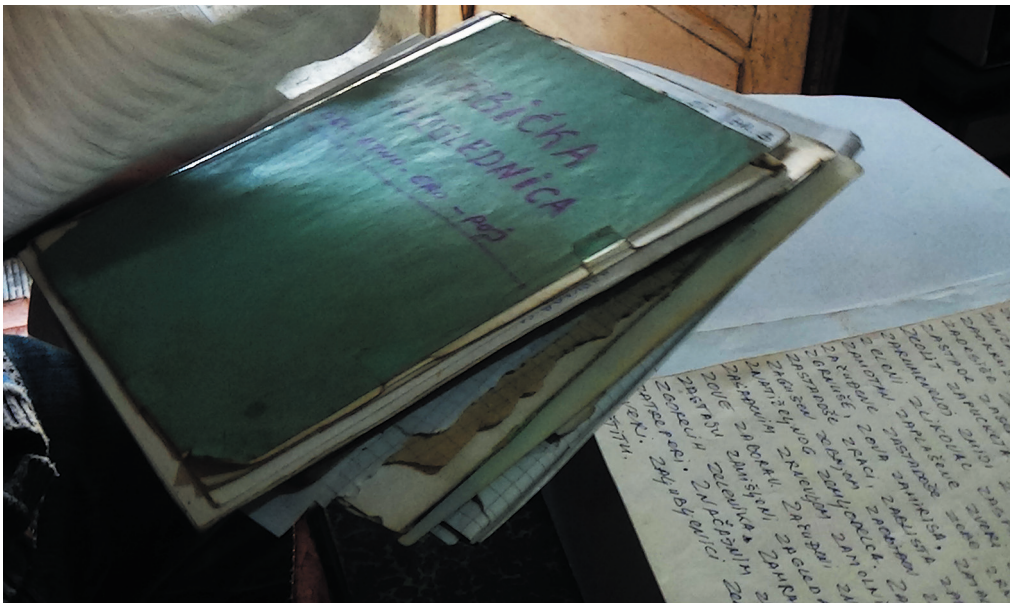
Стихотворение «Марков камен» с авторским комментарием «по легенде»

обычая (действующую, пространственную, персональную, временную), например: «У вечери зимске хладне, / Окупи се доста људи / Једни преду, други плету, трећи везу, / Једни спремају трпезу. / Неки причају причу. / А од неких нема вајде, / Они играју уз гајде» (В холодные зимние вечера, / много людей собирается / одни прядут, другие вяжут, а третьи вышивают, / Кто-то накрывает на стол. / Кто-то рассказывает историю. / А от кого-то пользы нет: / Они танцуют под волынку) («Седенке» [Посиделки]). В других лишь упоминается определенная деятельность, характеризующая обрядовое действие в деревне: «На Духове једе се и пије, / А другога дана носе се литије» (В День Святой Троицы ется и пьется, / а на второй день крестный ход ведется). Прошлое — золотое время, которое отмечается честностью, моралью, согласием. Идеализация прошлого постоянно присутствует в поэзии Крстича, это подтверждается и некоторыми внешними характеристиками: очень частое употребление наречия *когда-то*, либо словосочетания *когда-то было*, название группы стихотворений — «*Врбичская ностальгия*». Автор не скрывает своих чувств по отношению к своей деревне. Идеализация и эмоциональность, настойчивое требование отмечать ценности прошлой жизни и традиции, а также и основной мотив автора в творчестве — *сохранить воспоминание*, соответствуют одному из основных концептов наивной литературы — концепту памяти[18].

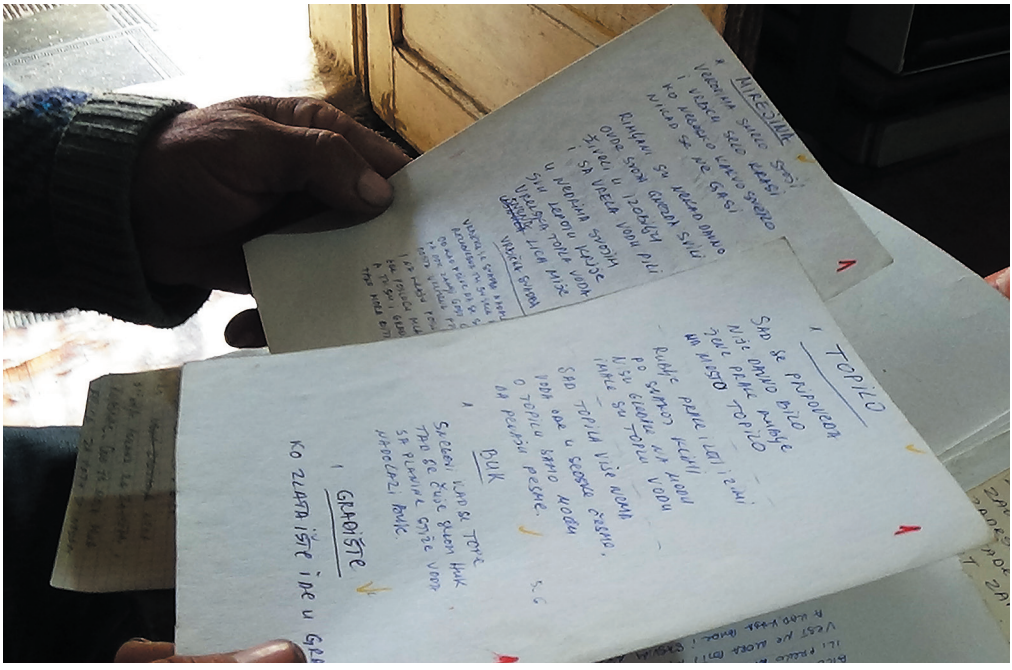
Творчество Дамняна Крстича указывает на основные черты явления, которое исследователи чаще всего называют наивной литературой. В его случае оно стало проявлением личной, внутренней потребности. Творческий процесс был спонтанным, без желания предъявлять созданное широкому кругу читателей. Это творчество с ярко выраженным авторским началом, которое нельзя ставить под сомнение (даже на начальной странице одной из тетрадей написаны его имя и фамилия).

Для введения этой поэзии в процесс фольклоризации нет очевидных оснований, скорее наоборот. Она четко определяется как работа одного человека, другие ее не передают и не создают варианты. Ее характеристики свидетельствуют о своего рода внедрении фольклорной матрицы, а не о ее включении в фольклорную модель. Как отметила Минаева, это обратный процесс. Фольклорная традиция в целом (и устное творчество, и этнографические факты) может разными способами, разными объемами и по разным причинам быть преобразована в творчестве наивного поэта. У Крстича доминирует эмоциональная связь с деревней, в которой он живет, а также и определенная идеализация старых времен и образа жизни. Это приводит к необходимости выразить в поэтической форме то, что поэт считает ценным, и тем самым спасти от забвения. По его словам, «чтоб было известно, что когда-то все это было вот здесь». Его стихотворения, авторские и записанные, словно имитируют

[18] *Лурье М.Л.* О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. Москва, 2001. С. 28.



Тетрадь для стихотворений Д. Крстича



Топонимические предания в стихе (2017)

принцип повтора в устной коммуникации («повтор является важнейшим средством, позволяющим при устном исполнении напомнить о прослушанном ранее»[19]): его стихи о рассказанном когда-то, о том, что он слышал от местных старших и от других. Фольклорному способу изложения текста в определенной степени соответствует чтение стихов перед друзьями и соседями, а также перед другими поэтами его уровня в местном литературном кружке. Кроме того, Крстич как раз рассказывает свои стихи «из головы», причем не всегда придерживается записанного текста в буквальном смысле. В таких случаях мы сталкиваемся с приемом изменения содержания, обусловленного забвением оригинальной записи. Кроме того, поскольку Дамнян переписывает стихи в тетради, у него имеются примеры отдельных стихотворений с незначительными изменениями, возникшие как результат последующих авторских исправлений письменной формы.

Пересечения с фольклором — многочисленны и разнообразны. В данном случае можно сказать, что творчество Крстича, содержащее фольклорные элементы, представляет собой разновидность гибридной формы, так как автор несет фольклорную и традиционную матрицу как часть своей жизни и размышлений. В этой гибридной форме фольклорный материал без определенной систематичности был преобразован и адаптирован для письменного поэтического произведения, которое лишь формально относится к литературе.

Источники

Д. Крстић_Врбица 2014 // Личный архив автора.
Д. Крстич_Врбица 2016 // Архив ДАБИ / Личный архив автора.
Д. Крстич_Врбица 2017 // Архив ДАБИ / Личный архив автора.

Литература

Королева С.Ю., Курочкина М.В., Беломестнова А.С. Тексты „наивной“ литературы в сельской культуре пермского прикамья // Славянские языки и культуры в многоязычном мире: сборник научных трудов VI международной российско-македонской конференции. / Отв. ред. Н.В. Боронникова. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. С. 208–219.

Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.

Лурье М.Л. Деревенский поэт Ю.В. Тимофеев (Наивная литература и народная традиция) // Живая старина. № 1. 2007. С. 5–9.

Милошевић Ђорђевић, Нада. Од бајке до изреке: обликовање и облици усмене прозе. Београд: Друштво за српски језик и књижевност, 2000.

[19] *Неклюдов С.Ю.* Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // Славянские этюды / Отв. ред. Е.Е. Левкиевская. Москва, 1999. С. 291.

Минаева А.П. До и после литературы // До и после литературы: тексты наивной словесности. Москва: РГГУ, 2009. С. 7–19.

Неклюдов С.Ю. Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // Славянские этюды / Отв. ред. Е.Е. Левкиевская. Москва: Индрик, 1999. С. 289–297.

Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. Москва, 2001. URL:http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm

Палавестра В. Хисторијска усмена предања Босне и Херцеговине, Београд, 2003.

Самарџија С. Облици усмене прозе. Београд: Службени гласник, 2011.

Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972. С. 202–233.

Istochniki

D. Krstich_ Vrbica 2014. Lichnyj arhiv avtora.

D. Krstich_Vrbica 2016 // Arhiv DABI / Lichnyj arhiv avtora.

D. Krstich_Vrbica 2017 // Arhiv DABI / Ličnyj arhiv avtora.

References

Koroleva S.Y., Kuročkina M.V., Belomestnova A.S. Teksty „naivnoi“ literatury v sel'skoi kul'ture permskogo prikam'ja // Slavjanskie jzyki i kul'tury v mnogojazyčnom mire: sbornik nauchnyh trudov VI mezdunarodnoj rossijsko-makedonskoj konferencii / Otv. red. N.V. Boronnikova. Perm': Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij institut, 2016. S. 208–219.

Lur'je M.L. O fenomene naivnogo sochinitel'stva // «Naivnaja literatura»: issledovanija i teksty / Sost. S.Y. Nekljudov. Moskva: Moskovskij obschestvennyj naučnyj fond, 2001. S. 15–28.

Lur'je M.L. Derevenski poet Y.V. Timofeev (Naivnaja literatura' i narodnaja tradicija)// Živaja starina. № 1. 2007. S. 5–9.

Miloshevich Djordjevich, Nada. Od bajke do izreke: oblikovanje i oblici usmene proze. Beograd: Druschtvo za srpski jezik i knjizevnost, 2000.

Minaeva A.P. Do i posle literatury // Do i posle literatury: teksty naivnoi slovesnosti. Moskva: RGGU, 2009. S. 7–19.

Nekljudov S.Y. Tradicii ustnoi i kniznoi kul'tury: sootnoschenie i tipologija // Slavjanskie etjudy / Otv. red. E.E. Levkievskaya. Moskva: Indrik, 1999. S. 289–297.

Nekljudov S.Y. Ot sostavitelja // «Naivnaja literatura»: issledovanija i teksty / Sost. S.Y. Nekljudov. Moskva, 2001. URL:http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm

Palavestra V. Historijska usmena predanja Bosne i Hercegovine. Beograd, 2003.

Samardzija S. Oblici usmene proze. Beograd: Sluzbeni glasnik, 2011.

Sokolova V.K. Tipy vostočnoslavjanskih toponimicheskih predanij // Slavjanskij fol'klor. M., 1972. S. 202–233.